

Синяя Гусеница

Околовоенные зарисовки

16+

Синяя Гусеница

Околовоенные зарисовки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67514735

SelfPub; 2022

Аннотация

Краткие художественные очерки о государственных потрясениях последних десятилетий глазами автора, прошедших катком по судьбам людей, живущих на рубеже веков.

Синяя Гусеница

Околовоенные зарисовки

.....

2016 год.

– Доча, родня приехала!

Вокруг двух женщин во дворе непривычная суэта. Полненькие, круглолицые хохлушки, свекровь и невестка, неуверенно улыбаются нам, переминаясь на пороге. Глаза только странные. Не пойму пока.

Мама с сестрой захлеб вспоминают свое совместное босоное детство, женщины потихоньку оттаивают, чувствуя неприкрытую доброжелательность. Все перемещаются за стол. Кушают, чай пьют, вино пробуют. Все улыбаются...

Это наши гости с Донбасса. С того самого. Мамина двоюродная сестра со старшей невесткой. Пока все жили в мире, как-то и не общались толком. А потом пришли дурные новости. Для нас, благополучных жителей Кубани, слово «война» стало синонимом их беды. Помню, как их разыскивали, помогали, звали переехать. Проблемой стала даже пересылка денег и продуктов. Просили каких-то случайных знакомых, курсирующих из России к своим, в Донбасс, под обстрелами.

Ох, как мы все обсуждали и осуждали, стоя на остановках и в магазинах. Вот, сейчас отобьем Крым и рванем спасать остальных! Там же наши, под бомбежками... Но.

Никто никуда не рванул. Потекли годы. Их бомбили, они голодали, в подвалах росли дети.

– Света, а внуки? Почему вы не взяли маленького? А сыновья? Хоть бы фруктов отъелись, в море покупались.

– Так никак не взять. У сына даже паспорта нет, а ребенку нужно согласие на пересечение границы от обоих родителей. Один в ополчении, а второй сын без ног, – рассказывать не хочет, а мы не спрашиваем. – Муж после работы в шахтах заболел силикозом, лежит совсем.

Тихо идем сквозь заросли почти спелого винограда, вокруг пахнет цветами. И слушаем о другой жизни. О том, как она шла на работу: «Кушать то надо, хоть и платят через раз, и прилетел осколок. Вот, ногу разорвало», – пожилая женщина показывает косые шрамы от бедра до лодыжки.

– А где работаешь?

– Бухгалтером. Да все ушли, а наш начальник еще держится, зарплату правда задерживает. Да, слава Богу, хоть вообще платит.

– Российская компания?

– Нет... украинская, – опять этот взгляд, вдруг осудим.

– А нам еще повезло, мы в частном доме, с водой нет проблем. К нашему колодцу городские приходят, воду берут, а нам что-нибудь взамен приносят, кто может. Продукты, конечно, дорогие очень в магазинах.

Я смотрю на них со спины. Молоденькая молчит.

Как они похожи, три сестры, только гости – эмоцио-

нальное, словно, впитавшие в себя украинский колорит, легко вспыхивают радостью, рассказывая о хорошем, о детках, внуках, то гаснут разом, вспоминая о плохом. Всем очень тепло, родственно.

И вдруг, с полигона неподалеку доносится негромкий гул. Такой привычный и обычный для нас. И две женщины, охнув, садятся и закрывают голову руками. Потом поднимаются, и неловко оправдываются.

– Привычка. Сынок, так сразу под стол прыгает, быстрее всех, – молодая смущенно улыбается.

Мы просто оцепенели. А потом... мы плакали. Разом рухнула последняя напряженность, осталось только жалость, сострадание, желание помочь... Суется, собирали какие-то вещи, строили планы.

К слову, они не уехали жить в Россию. И все их доводы казались нам несерьезными: отсутствие документов, денег, больной умирающий муж. Все ведь, можно начать заново. Мы все много лет удивлялись и высокомерно восклицали: «Как же так, вот мы бы сразу», «Да что там жалеть, дом и тряпки», и «Что может быть важнее жизни» ... Но принцип бумеранга еще никто не отменял, и к нам пришел 2022. И вот уже вся псевдоцивилизованная Европа и со товарищи, скандирует: «Москаляку на гиялку», – а мы всерьез понимаем, что война может прийти к нашему порогу.

И – что? Куда бежать? Вот тогда и вспомнились тоскливые и потухшие глаза простых русских женщин: «А кому мы

нужны? Кто нас ждет?».

Что-то еще, пугающее было в тех глазах, я долго пыталась понять – что... Сомнения? Боль? Страх?

А потом пришло осознание. Так смотрят, брошенные людьми, четвероногие в приютах. Не бездомные, выросшие на улице, а домашние, пережившие ужас одиночества и отчаяния. Лишенные свободы выбора, в клетках, не понимающие кто враг, а кто друг, и что их ждет.

Только это – люди. Преданные своей страной и ее покровителями, брошенные на произвол судьбы, они не знают, что делать. И кому верить. Это страшно.

Может, предательство страшнее войны?

.....

Сколько вопросов подняла украинская гражданская война. Может, кто уже нашел ответ, поделитесь. Главный, конечно: «Почему русских все ненавидят». Для меня главный, потому что про мою жизнь.

– Русские, уходите с очереди, молоко кончается!

Уныло тащу пустой бидончик домой. Все равно не дадут. Хоть и осталось пару человек впереди. И хотелось бы возмутиться, но, что с меня взять, с тощей девчонки-подростка. Да и страшно. Последнее время перепадало и сильным, и смелым. Таким даже страшнее – с них и начинали.

Мама вечером рассказывает полушепотом папе, думают, что я не слышу.

– Сегодня на остановке нашей, толпой парня молодого

русского били. Никто не заступился, боялись. Убили, наверное...

Да. Знаю. Слышала уже. Если б я маме с папой про вчерашнее рассказала...

Мы с подружкой шли с ДК, она, к слову, узбечка впере-мешку с украинкой. Косы черные ниже талии, красавица. И докопался до нас бугай. Орет: «Вы – русские». Лезет, хватается. Мы ж, дуры – смелые, своих не бросаем, вот он и кидается. Рвем у него из рук друг друга, кричим от страха. Не знаю, чем бы закончилось, но, видимо, у Бога на нас еще были планы – бежит к нам мужичок, раза в два того бугая меньше. Корочкой милицейской махнул, скрутил и поволок. Чудеса. В милиции нас заставили заявление написать. Только знающие взрослые сказали, что денег он с него взял и отпустил.

Думаете, Украина? – нет, Казахстан 1994.

Вот тогда этот вопрос стал для меня «главным».

Это когда вдруг сосед по парте, с которым ты учился 10 лет, тебе говорит: «Уезжай в свою Россию, ты – русский». А прохожий на улице может просто тебя убить. Потому что «рожей» не вышел. Или цветом глаз.

Мы не были политически подкованы, дети 90х. Мы просто смотрели.

А родители хлебали полной ложкой. Тут без предыстории никак.

Как мы там оказались? Все это многонациональное сообщество близких по духу и воспитанию людей? Все просто –

не было границ в нашем Красном Союзе. Нужны геологи? Своих нет? Легко. Месторождения нужно осваивать, зовем специалистов. Вот и построен пятиэтажный дом из одиннадцати подъездов, где нет ни одного случайного человека – все знают всех. И неважно, что папа из Омска, мама из Белоруссии, учились они в Киеве, а распределение получили в Казахстан.

Как у моих родителей, к соседям на балконе сделана дверца – так удобнее. И все живут дружно, как одна семья. И ключ мне оставляли под ковриком, да-да. Было дело.

Однажды летом внезапно умер мой дед, ночью. В то утро я просыпаюсь, а возле моей кровати сидит соседка. Был рабочий день, но она осталась со мной. А другая, что жила напротив деда с бабушкой, отложив все свои дела, помогала готовить поминки. Это были не друзья, просто соседи. Так было принято – помогать в беде.

Тем более дико зазвучало изо-всех всех щелей: «Уезжай в свою Россию, ты – русский»

И мы поехали. Первыми – евреи. Наша удивительная математичка, вложившая в меня, в общем-то, гуманитария, свой предмет так, что впоследствии я окончила технический вуз. Одноклассники, знакомые – одаренные ученые, врачи, преподаватели и потрясающие ремесленники.

Следом снялись с насиженных мест немцы. По понятным причинам, их было у нас очень много. Впрочем, никого из уехавших, особо не ждали на исторической родине. Мы дол-

го получали от знакомых немцев грустные письма, в некоторых, вообще читалось отчаяние и желание вернуться. Только некуда уже было. В Германии они так и остались «русскими».

– Тоже вопрос – почему? – кстати, сейчас им снова это припомнили.

Где-то в это же время поехали корейцы, за ними потянулись все, кому было куда бежать.

Мой отъезд даже не обсуждался. Вернее, на повестке стоял один вопрос – куда. Кинули клич по родне. Вариантов оказалось всего два – юг или север страны. А шубы у меня не было. Так я и оказалась на теплом побережье.

До сих пор помню это чувство эйфории и свои, совершенно недетские мысли: «Я иду по своей, русской земле, и никто не вправе мне сказать – уезжай»

Но у меня было чудесное детство, где мы бегали впятером, два парнишки и три девчонки. Мои родные друзья навек. Все знали, у кого какой крови намешано – казахи, украинцы, русские, узбеки и белорусы, но мы гордились этим. Наша школа была самой многонациональной в городе. Помню, висел стенд, где были перечислены все национальности наших школьников. До сих пор нет роднее воспоминаний. Я рада, что все это было в моей жизни. Не смотря на весь последующий морок.

Наверное, мы простили. И любим лучшее в своих воспоминаниях, в этом наша сила.

Сейчас, по прошествии лет, я часто думаю, а кто потерял больше?

Мама моя, тогда заведующая геологической лабораторией, любит вспоминать, как в ее кабинет ворвалась уборщица-казашка и радостно сообщила, что теперь, когда «всех вас русских выгоним, я займу твое место!». Мама рассмеялась и встала, уступая ей место возле сложного оборудования.

Наверное, та казашка так и не узнала, что по методикам моей мамы работают во всем мире до сих пор – с помощью ядерных геофизических процессов определяют элементы в геологических породах. Она заплатила за это своим здоровьем, дважды перенесла лучевую болезнь. Она, как десятки тысяч специалистов со всего Союза, работала для развития страны, где жила. Также, как брат моего отца умер, поднимая целину. Они отдали Казахстану все, что могли. Так за что же ненавидят русских?

Это всего лишь одна история. Всего лишь вопрос?

.....

– Что ж вам все плохо? Вот, и еда у вас за столом, и одежда красивая, на машинах ездите! – бабушка, слушая, как мы обсуждаем политику да ругаем правительство, не выдержала. Я поднимаю глаза и вижу нас, и ее, словно, со стороны.

Ей в этом году 98. Она многое уже забывает, и не помнит, что ела за обедом. Но войну и свое детство она помнит. И нас научила не забывать.

Как-то по долгу службы, я писала о ней, рожденной в по-

слереволюционной России, пережившей годы Великой Отечественной Войны, смерть близких, голод, и плен, и избежавшей страшной смерти в концлагере. Нам сложно представить все, что видела она – первую лампочку Ильича, первые личные автомобили, первые самолеты, полет в космос. Она пережила и тяготы до-путинской эпохи, с ее нищим униженным состоянием бессилия и нищеты. А теперь она счастлива, и не понимает, что еще нам надо. Это бытовое изобилие до сих пор кажется ей невыносимой роскошью. И я понимаю, как мы обнаглели со своим бесконечным стремлением к потреблению. Взгляд ее глазами очень отрезвляет.

Когда началась на Украине бандеровщина, мы бабушке не давали смотреть новости. Как старой объяснить, что наши соседи снова вытащили эту страшную и грязную составляющую своей истории, да еще и дали ей право на жизнь?

В моем розовом детстве были самые любимые ночи, когда она оставалась ночевать у нас. Лежа в темноте на кровати напротив, она учила меня молитвам и рассказывала про войну.

Это стало и моими воспоминаниями тоже. Детское восприятие так живо рисовало мне страшные картинки, где бабушка, совсем еще девочка, как я, проживала их вместе со мной. Я до сих пор не могу смотреть фильмы о войне, мне от этого больно...

Знаете, что я видела? Как летели низко самолеты, много. Они очень гудели, а потом на землю начали падать бомбы.

Вот тогда я поняла, что такое «медвежья болезнь». Бабуш-

ка смеется: «Все в подвал, а я – в поле».

А мне не смешно. Я знаю, что потом придут немцы. Их будет много, но больше будет бандеровцев. Они стонят все село в кучу и отберут самых молодых и здоровых. А остальным скажут, чтоб заходили в избу и ждали подводу. И старенькая бабушка с дедом, и тетки ее с маленькими малышами, и еще много родных зайдут в эту избу.

– Я матери говорю, зачем мы пешком пойдем? Давай тоже подводу подождем, поедем как «пане», – а мать меня как «колупнет» за ляшку, – молчи, дура, их убьют, – бабушка замолкает.

И я знаю, что потом их сожгут заживо. Поэтому я не прошу рассказывать дальше. Перед глазами все проходит, будто вживую. Вот закричала ее крестная и кинулась к окну, из которого женщина пытается выкинуть младенца. Короткая очередь, и она падает мертвая, очередь отбрасывает женщину вовнутрь, а младенца бандеровец накальвает на штык и кидает обратно в окно. Стоит дикий крик горящих заживо, а фашисты стреляют по людям, что пытаются выбраться или помочь своим родным.

Я спрашиваю, не в силах понять: «Кто эти бандеровцы? Они же русские, не немцы, почему они им помогали?».

Бабушка пожимает плечами.

– Фашисты командовали. А эти – как звери, хуже зверей, – они прошли так по всем деревням подряд, – хватит, давай спать.

– Ба, – Расскажи про Андронников...

– Ладно. Потом спать.

Бабушка начинает рассказывать, и снова перед глазами все оживает.

Соседняя деревня. Почти год идет война. Все, кто мог бороться, уже давно ушли партизанами в белорусские непроходимые леса. Еды почти нет, но женщины, отрывая последние крохи, носят им в лес скудные пожитки. Так и она возвращалась оттуда, когда услышала немецкую речь.

– Все, убьют, – Бабушка показывает, как она схватила себя за голову от отчаяния, – и я побежала. А вокруг – свись, свись – пули. Я прямо по ним бегу! И тут на месте сгоревшей избы – дырка в погреб, вся заросшая травой, лопухами. Я туда прыг с ходу!

Бабушка поднимает на меня глаза: «А там- Андронники, вся семья. Спрятались от немцев, да я тут... Принесла нелегкая. Вот они подошли к дырке и “тррр” – очередью пулеметной. Бабку- насмерть, кому ногу прошило, кому руку, а меня не задело даже».

– Немцы?

– Да, – это потом пришли бандеровцы и, за помощь партизанам, согнали всю деревню и заставили яму копать. И постреляли всех. Ненавидели они русских.

За что??

Бабушка не знает ответа... Пожимает плечами.

Я лежу в темноте, пытаюсь понять, за что они ненавидели

русских?

Это только одна жизнь. Одно маленькое воспоминание о великой трагедии. Один вопрос.

.....

2022

Не думали мы, что на нашем веку будет война. Для нашей страны – тактическая, для них – гражданская. Адская по своей сути. Второй день сидим и просто читаем сводки. Фронтовые.

Ничего делать не получается, все из рук валится. И небо – свинцовое, нависшее, и в душе темно.

Мы еще пока ничего не понимаем толком. Зачем все это? Почему нельзя было мирно? Миллион вопросов в голове, и ни одного ответа.

Мнений-то хоть отбавляй, со всех сторон криком кричат: кто за, а кто против, больше против. Все громче, громче... И все такие категоричные, уверенные. Но нас давно отучили верить крикунам с голубых экранов и добрым людям с честными глазами и хорошо поставленной дикцией.

Мы затаились, мы – думаем.

Вот повывлезли все, недовольные властью, до сей поры бесплодно вещавшие свои истины. И, вперемешку с ошалевшими от горя обывателями, торопятся пиариться на льющейся человеческой крови.

Но мы тонко чувствуем эту ложь ободранной душой. Эти – за себя.

Взорвался болью восток Украины, и мы плачем, читая о потерях, разрушенных судьбах и городах. Считаем павших. Горюем, что война пошла вглубь страны. Весь мир в едином порыве клянет русских за это. Но снова... что-то не так. Почему ни слова про Донбасс? А там разве не дети? А слепой шестилетний Ваня, с оторванными руками и ногами, а Горловская мадонна, а Аллея Ангелов? А как же бандеровский фашизм? Но никто ни слова об этом!

И мы начинаем вглядываться пристальнее в лица кричащих. И тут, словно война отходит на второй план.

Вот голоса протестующих: «Наше время пришло, выходите, бейте, рвите!»

Чье время? Вы – кто? И кого мочить будем? Со спины – сыновей да мужей, выполняющих приказ? Простите, у нас генетическая ненависть к предателям. Сначала вернутся, потом решать будем. А страну свою в руинах мы слишком хорошо помним, чтобы снова на баррикады...

Многонациональные чаты, разъехавшихся по всему миру соотечественников, с неожиданной яростью накидываются на всех, кто смеет «не осуждать», а еще и анализировать. Да и своих хватает с избытком.

Удивляют очень эмоциональные версии происходящего.

Израильтянин:

– Все человечество стремительно бежит вперед, и только российский диктатор тянет всех назад... Он смог зомбировать даже образованных людей. У вас заблокировали сво-

бодную прессу. Как сказал Дудаев, Россия, кроме рэкета ничего не может.

– Это тот, кто до Беслана довел, Дудаев? – едва успеваю вставить в льющиеся потоки слов.

– Но, в конечном итоге, Россия живет в нищете.

– Кто в нищете-то? – не помню в советское время, чтоб по машине на семью было, и в Турцию почти каждый слетал.

– Скажу одно, что такой ненависти у вас к народу, в США я нигде не встречал. Вас ждут тридцатые. Мне вас искренне жаль...

– ???

Как-то слишком знакомый набор претензий... При этом, человек, выросший в общем с нами Союзе, видевший его развал и хаос, и живущий в государстве, где не считается зазорным бомбить жилые районы Палестины, и расстреливать на улице подозрительных палестинских подростков. Да, злых и ненавидящих вас, евреев, также как и нас – бандеровцы, этот человек: «Не желает общаться с людьми, оправдывающими агрессию своего государства». Seriously?

И таких много... Америка, Европа.

В чем же подвох? Неужто так возлюбили людей, опаленных войной? Вот прям сейчас, до боли, до крика, всем миром? А что тогда молчали, когда Ирак бомбили, Югославию или курдов, да и тех же хохлов, но на Донбассе? Или любовь ограничена территориально? Или любви достойны только западные украинцы? Или пора признаться, что не в них дело

то.

Повези миролюбцы тонны яблок, конфет и лекарств, не оружия, в зону военного конфликта без разбору; начни журналисты ВВС целовать утром раненых детей Донецка, а вечером передавать от них теплые слова и одеяла в бомбоубежище несчастным бабушкам в Киеве, и – все! Вы бы выбили почву из-под наших ног, и мы понесли бы на алтарь справедливости свое правительство и свое благополучие. Мы бы ПОВЕРИЛИ.

Но начинаются удивительные метаморфозы. Добрый детский врач, вещавший десятки лет из Киева о вечном и прекрасном, брызгая пеной, желает на камеру смерти каждому ребенку и женщине в России. Фашистская свастика красуется на футболке украинского президента – мученика, фейковые вбросы методично фильтруют только агрессивные русские. Высокоцивилизованные, нам вовек не дотянуться, европейцы соревнуются в количестве и качестве санкций, отменяя концерты всемирно почитаемых российских музыкантов, певцов и дирижеров, лишая инвалидов участия в Олимпийских играх, а умирающих детей права на получение медицинской помощи. Когда здравый смысл заканчивается, в ход идут: «котов на выставки не пущать», и «Чайковского запретить слушать».

Понадобилось менее двух недель, чтобы больная фантазия иссякла: «В Евросоюзе заявили о достижении предела в финансовых санкциях». Фух, неужто устали? Ан, нет,

извольте из старой классики: «В рестораны Европы теперь нельзя собакам и ...русским». Ничего не напоминает?

Войдет в историю сегодняшняя русофобия, достигшая своего апогея на фоне украинской войны, как триггер, выплеснувший фонтаны расистской ненависти Запада по отношению к нам. И где-то на заднем плане грузят, везут в Украину оружие, наемников, подбрасывая в адскую топку дровишек. Как говорится: «Европа готова воевать до последнего украинца».

Неужели их вам не жалко? Или уже не до них?

Так что же происходит на самом деле... А нужно ли озвучивать этот, «главный» вопрос?